

Чумайское восстание в истории села

Новоженникова Анастасия Сергеевна

В школьном музее на сегодняшний день хранится более 500 экспонатов. Это и комсомольские билеты, учётные карточки членов КПСС, агитационные материалы СССР, информационные плакаты, стенгазеты, альбомы туристических школьных активов. Немалую линейку экспонатов представляют предметы домашнего обихода советского жителя.

Среди экспонатов нашего музея особую ценность представляют документы, а именно паспорт исторического памятника «Слава погибшим за Советскую власть». Он был установлен в селе Усть-Серта в октябре 1967 года. По библиографическим сведениям «Памятник посвящён односельчанам, участникам Чумайского восстания, расстрелянным колчаковцами 25 октября 1918 года»[1]. Из информации об истории создания памятника, также хранящейся в нашем музее, становятся известны имена расстрелянных: Пётр Петрович Поццуло, Василий Павлович Поццуло, Федот Никанорович Винников, Фёдор Фёдорович Карпов, Даниил Николаевич Мухортов, Дмитрий Иванович Зинченко, Василий Николаевич Фомин.

Это люди, положившие свою жизнь за безрассудство власти и превышение полномочий. Об этом говорил В.М. Рынков в своих исследованиях вопроса крестьянских восстаний 1918 года в сибирских деревнях: «...открытые, вооруженные формы сопротивления налоговым сборам проявлялись только в тех случаях, когда они сопровождались другими насильственными мероприятиями, в частности по борьбе с дезертирством новобранцев из армии, взиманием лесных штрафов. Несмотря на довольно широкий диапазон применения репрессивных мер при сборе поземельного налога, эти акции властей вызвали мощное вооруженное сопротивление в Мариинском уезде Томской губернии с 19 по 28 октября 1918 года, охватившее более 10 волостей с общим количеством участников около семи тысяч человек вооруженных крестьян [3. С. 53]. , где сопровождались неправомерными, с точки зрения крестьян, действиями по взиманию лесных штрафов...»[2]. По этим же причинам в конце лета — осенью 1918 г. в сибирской деревне вспыхнули крупные крестьянские восстания: Тюкалинское (24–29 августа), охватившее 7 сел с количеством участников в 1–1,5 тыс. чел., Змеиногорское (середина августа — середина сентября) — 60 сел, 13 волостей, 1 тыс. вооруженных участников; Славгородское (2–10 сентября) — 17 волостей, 15 тыс. участников; Больше-Муртинское (17–21 сентября) — 9 деревень, 400–500 чел.; Бийское (вторая половина октября — ноябрь) — 9 волостей.

Причины Мариинского восстания в целом объективно выявлены в докладе мариинского уездного комиссара томскому губернскому комиссару. Среди них он выделил энергичное взыскание податей и штрафов с местного населения за самовольные лесные порубки в пределах Чумайского лесничества, водворение в свои части бежавших с военной службы новобранцев-дезертиров; большевистскую агитацию, рассчитанную на глубокую темноту населения, провоцирующие бунт, действия командированного из Томска в село Чумай военного отряда прапорщика Дмитриева [4. С. 352].

Вместе с тем положение лесного хозяйства в этой части обширной Томской губернии действительно было весьма удручающим и тревожным. Размеры самовольных порубок леса из государственных дач достигли ужасающих размеров.

Особенно угрожающим было положение дел в Чумайском лесничестве. Всю весну и лето 1918 г. по р. Кие сплавлялась масса леса, исчислявшаяся десятками тысяч кубических сажень; по обеим берегам реки находились огромные склады самовольно нарубленного леса. Вблизи

кордона, на котором жил чумайский лесничий Я.И. Солодовников, производилась самовольная рубка леса; прикордонная полоса раскорчевывалась и распахивалась. В селе Чумае и окрестных деревнях все дворы были завалены казенным лесом. Более того, на кордон стали приходиться толпами и в одиночку сельские жители, чтобы захватить казенное имущество — лошадей, сбрую, канаты, заготовленные лесные материалы и пр. В конце концов, видя бесплодность попыток обращения за помощью к мариинскому земству и бессилие местной милиции в борьбе с расхищением лесных богатств, начальник управления земледелия и государственных имуществ Томской губернии обратился к губернским властям оказать содействие в отправке вооруженного военного отряда.

По распоряжению начальника гарнизона г. Томска в Мариинский уезд был командирован отряд, состоявший из 44 солдат под командованием двух офицеров. Затем в г. Мариинске к этому отряду присоединился начальник уездной милиции с 15 милиционерами и пятью солдатами местного гарнизона.

6 и 7 октября прибывшим карательным отрядом производился пересчет леса в деревне Покровке; всего с местных крестьян было собрано 1 674 рубля, кроме того, здесь было арестовано несколько дезертиров. После отряд отправился в деревню Ивановку, где со 130 дворов взыскал 1 618 рублей. 11 октября отряд прибыл в село Чумай, где толпа местных жителей около 300 человек после переговоров с лесничим категорически отказалась уплачивать какие-либо сборы. Тем временем лесная стража приступила к пересчету пней и обмеру распашек в прикордонной полосе. 12 октября в канцелярию лесничего явились делегаты от жителей Чумая и заявили, что они вырубил прикордонную полосу по общему приговору, а потому взыскание должно быть предъявлено ко всему обществу; участок же выше кордона по левому берегу реки Кии и по р. Кожуху каждый рубил по собственной воле [5].

Сам Я. Солодовников так описывал процесс взысканий в рапорте, направленном начальнику управления земледелия и государственных имуществ Томской губернии: «Будучи вызваны в определенный срок, вечером явились и чумайцы, прося оставить за ними оброчную статью, но недоимки за два года, числящейся за ними, не внесли. Имея объявить, что сейчас моя задача — не взыскание по оброчным статьям, а за самовольное пользование лесом и его порчу. 13-го в полдень в канцелярию на кордоне явился член земской управы Евграф Фролов, житель Чумая, вместе с начальником милиции. Затем от имени общества Фролов настаивал на том, чтобы взыскание с чумайцев было бы прекращено. Категорически объявил, что все, что причитается с чумайцев, мною будет взято, в повышенном тоне, повидимому, нервничая, местный земец в присутствии всех и начальника милиции заявил: «Придется, должно быть, крестьянину подняться и сорвать ту петлю, в которую попадаем»... Чумайцы все же подати несут, и, по-видимому, оплатят и лес. Но настроение настолько скверно, что, конечно, не может быть и речи о моем пребывании здесь в лесничестве, тем более что по всем дорогам из Чумая, то есть в Ивановке, Покровке, Михайловке, Алчедатке, — везде буду и везде собираю. <...>

В Мариинске в полчаса покончил с кооперативом, председатель коего обещал немедленно уплатить все, что ему будет предложено; а думаю, тысяч 12 сгребу и с него. Всего ожидаю не менее 20 тысяч» [6].

После этого действовавший в Чумае отряд оказался в осадном положении и вынужден был бездействовать. 14 октября начальник милиции выехал за помощью в г. Мариинск. Тем временем повстанцы обезоружили отряд и жестоко расправились со всеми, кого считали причастными к своим бедствиям. 21 октября был убит лесничий Я.И. Солодовников, кордон, находившийся в четырех верстах от села Чумая, сожжен, имевшееся здесь казенное имущество разграблено или уничтожено. Лесничего Солодовникова перед смертью пытали с целью узнать, где спрятаны

оружие, пулеметы, патроны. Лишь спустя несколько дней было обнаружено изуродованное тело Солодовникова, доставлено в г. Томск, где и погребено 1 ноября. Лесничий В. Москаленко из села Тисуль сообщил 8 октября 1918 г. в томское управление земледелия и государственных имуществ более точные и достоверные сведения о ходе Чумайского восстания и поведении повстанцев. Крестьяне ночью отобрали оружие и арестовали милиционеров, причем 7 человек из них убили, а остальных заперли в холодный амбар. Священник отец Павел (Соловьев), попытавшийся увещевать крестьянскую толпу, был раздет донага и брошен в холодный амбар, где умер. Затем утром на кордоне участники восстания убили лесничего Солодовникова. Жена его сумела убежать в лес, кордон сожгли. Узнав, что представителями власти в Мариинск послано за подкреплением, крестьяне села Чумая разослали по соседним деревням делегатов с просьбой об оказании им помощи. К восставшим присоединилось около 10 селений, в частности Кураково, Карачаровка, Нижняя Серта, Михайловка, Шестаково, Алчедат, Покровка, Ивановка и др.[7]

В Алчедатском лесничестве слухи о чумайских событиях дошли в искаженном виде («говорили, что описывают весь нарубленный лес, что взыскивают очень строго и отбирают в уплату «домашность», белье, полотенца и пр.»). Некоторые села приняли решение противостоять таким недопустимым способам взыскания.[Там же.]

Жители Усть-Серты оказались в гуще тех событий, о чём свидетельствуют воспоминания старожилы деревни Евстафьевой Т.И., которые много лет хранятся в Школьном музее: «После обеда, 24 октября, мы услышали частые выстрелы, раздававшиеся из района реки Кия. Знали уже, что наши мужчины решили принять бой с белыми, наступавшими из Дмитриевки и Алчедата на нашу деревню. Бой был у паромной переправы через Кию. У белых были пулемёты и нашим пришлось отступить.

Нашим мужикам мы советовали уехать на поля и отсидеться там, но многие нас не послушали, остались в деревне. 25 октября началась порка в нашей деревне. Пороли поголовно всё мужское население. Каратели схватили моего мужа, Поццуло П.П. и командиров взводов. Перед тем, как начинать порку очередного крестьянина, у Поццуло П.П. спрашивали, участвовал ли он в восстании. Рядом находился бывший староста села Назин С.М., ему задавали этот же вопрос. Но ни одного человека выдано не было. Били этих двух товарищей беспощадно. Когда они теряли сознание, рядом стоявший солдат, поливал на них из ведра воду. Поццуло П.П. потерял сознание и его расстреляли. На удары не скупилась. Парфёнову Е.Н., полному георгиевскому кавалеру было назначено 250 ударов, Фёдорову Т. — 100 ударов, но так как он не произнёс ни одного звука во время порки, ему добавили ещё 100 ударов. Тимофеев В.Л. вскоре после порки умер. К вечеру 25 октября, 7 человек, наиболее активных участников восстания, были расстреляны. Когда их вели от „сборки“ до места расстрела, никого к ним не допускали, даже родственникам не разрешали подходить. Подошедших били нагайками.

Место расстрела — поляна за сельским кладбищем, было оцеплено солдатами. Нам не разрешили даже подобрать расстрелянных. И мы их взяли только ночью, а хоронили уже после того, как ушли каратели. Даже похоронить не дали как следует. Батюшка отказался заносить их в церковь, чтобы отпеть».

В процессе изучения Чумайского восстания, как части истории села Усть-Серта становятся известны имена земляков, руководителей повстанческого движения. Фотография одного из них также является достоянием нашего музея — Александр Васильевич Григорьев. Из книги «Усть-Серта — деревенька моя. Летопись нашего села» Шумаковой Т.Я. С. Усть-Серта, 2010. становится известна его биография. Кроме этого в школьном музее хранится копия «Телеграфного донесения из села Тисуль командира белогвардейского карательного отряда томскому губернскому комиссару о зверском подавлении крестьянского восстания в Мариинском уезде» № 323 от 25 октября

1918 года», свидетельствующая об участии односельчанина в тех событиях. В донесении говорится «...На село Чумай, главный очаг восстания, по трём направлениям из Мариинска идут воинские отряды. Без вести пропавшие инструктора 23 октября пришли в Тисуль, скрываясь более суток в болотистой почве близ Усть-Серты. Григорьев легко ранен навывлет в левую мягкую часть ноги, убив и ранив при сопротивлении до 6 человек...» Григорьеву удалось бежать, как и другим вожакам Чумайского восстания.

Возвращаясь к документам, а именно паспорту исторического памятника, с которого и началось наше расследование, понимаем, насколько ценным является этот документ, поднимающий на поверхность важные исторические события прошлого столетия в истории села.

Железобетонный трёхметровый памятник расположен в сквере у Дома Культуры. В 1967 году охрана и надзор за состоянием памятника были возложены на пионеров отряда им. Ю.А. Гагарина Усть-Сертинской средней школы.

До сих пор учащиеся школы чтут память о погибших односельчанах, ежегодно возлагая к основанию памятника цветы.

Список источников информации и литературы:

1.[2] Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. 211 с.

2.[3]. Журов Ю.В. Крестьянство Сибири в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1975. 88 с.

3.[4]Борьба за власть Советов в Томской губернии : сб. док. матер. Томск, 1957. 565 с.

4.[5]. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 183.

5.[6]ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 78.

6.[7] И.В. Курышев. Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). Мариинское (Чумайское) крестьянское восстание 1918 г.: Мотивы и поведение повстанцев.

7. Министерство культуры РСФСР. Главное управление культурно-просветительских учреждений. Отдел охраны памятников. Паспорт исторического памятника об.2 л.

8. Копия телеграммы белогвардейского капитана о восстании крестьян в Чумайской волости. Телеграфный бланк № 323.

9. Воспоминания старожилов деревни Евстафьевой Т.И. о событиях Чумайского восстания 24-25 октября 1918 года. (рукопись).

10. Шумакова Т.Я. «Усть-Серта — деревенька моя. Летопись нашего села». С. Усть-Серта, 2010, с.20.